

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

Что было и чего не было

Из будущей книги того же названия

нать сначала небольшие пьески для фортепиано и сразу размахнулся на крупную форму. Сочинил первый акт оперы «Мечта Мира» по одноименному фантастическому роману английского писателя Райдера Хаггарда о втором путешествии Одиссея. Либретто тоже написал сам.

Встретивший нас у директорского кабинета художавый, седобородый, в тонких золотых очках Александр Вячеславович Оссовский, профессор консерватории и близкий друг и соратник Глазунова, был предупрежден о нашем визите и, сообщив Александру Константиновичу, что «молодые люди прибыли», приглашая войти в кабинет.

Время стерло уже в памяти детали обстановки глазуновского кабинета. Помню только большой письменный стол направо от входа, заваленный кипами рукописей и нотных изданий.

При нашем появлении грузный, похожий на Будду Александр Константинович приветственно поднялся из-за стола, что заставило нас сразу оробеть от выражения такого невиданного уважения.

Поначалу Глазунов долго расспрашивал нас о занятиях с Панченко, о музыкальных вкусах, привязанностях и стремлениях. И это было так ласково, по-отчески и одновременно с таким уважением к «юным коллегам», что беседа эта навсегда останется в моей памяти как одно из самых значительных и дорогих воспоминаний.

Разговор продолжался долго — хозяина кабинета по его просьбе не тревожили ни звонки, ни посетители. Глазунов немало времени потратил на проверку нашего слуха, чувства ритма, музыкальной памяти, мельком перелистал наши сочинения. Это было удивительно — всемирно известный престарелый мастер, заваленный бесчисленными консерваторскими и творческими делами, тратит время (и сколько!) на мальчиков, желая узнать как можно больше об их музыкальных способностях.

— А это что такое? — неожиданно спросил меня Глазунов.

И тут произошло чудо. Александр Константинович сыграл с начала до конца без нот всю мою увертюру к опере, которую, как мне казалось, небрежно просмотрел за столом полчаса назад. Сыграл, не останавливаясь, без единой ошибки, в точном темпе и со всеми нюансами!

Я, совершенно не понимая, что произошло, повел себя крайне глупо. Почему-то заглянул в рояль, потом под него, очевидно, решив, что ноты были где-то запрятаны и Глазунов потихоньку в них подсматривал. Но нет.

клавиры продолжал лежать в отдалении на столе.

Впоследствии я слышал немало рассказов и легенд о проявлении этой особенности громадного музыкального таланта Александра Константиновича. Уникальная музыкальная память помогла ему сделать много добрых дел для русской музыки.

Через день я узнал от С. В. Панченко, что Глазунов разрешает мне приходить к нему домой на Казанскую улицу, дом 8/10 (ныне улица Плеханова) раз в неделю, по воскресеньям, показывать свои сочинения с тем, однако, условием, чтобы я продолжал заниматься теорией у Панченко.

...Далекие, милые времена ушедшей юности особенно ярко вспоминались мне, когда в холодный и хмурый день 12 октября 1972 года я стоял рядом с дочерью Александра Константиновича — Еленой Александровной на кладбище в Нейи, пригороде Парижа, где проходила печальная церемония — отправление останков Глазунова на родину. Наш посол во Франции заключил церемонии несколькими проникновенными словами, и тяжелый гроб медленно поплыл на плечах собравшихся к большому черному автомобилю — катафалку, чтобы совершить потом далекий путь на самолете. Прах великого русского музыканта нашел свое последнее и вечное пристанище в родном С.-Петербурге рядом с могилами его знаменитых соратников и друзей — Римского-Корсакова и Бородин...

Игре на рояле меня начали учить очень рано — лет с трех. Почти единодушное отвращение, с которым дети этого возраста относятся к пианистическим занятиям, общеизвестно. Я не составлял исключения. Четыре года моего музыкального образования были сопряжены с серией грандиозных скандалов, слезами, суровыми наказаниями. Наконец когда мне минуло семь лет и я пошел в школу, домашние, окончательно махнув рукой на попытки приобщить к тайнам музыкального искусства, освободили меня от музыки.

Через несколько лет безмятежного существования я почувствовал вдруг непреодолимое желание брэнчать на рояле, издавая совершенно нелепые и дикие звуки. Начались скандалы обратного порядка — от рояля меня оттащивали. Но проявленное мной упорство, очевидно, подействовало, тем более что я перешел полностью на сочинение собственной музыки. И родители решили показать меня с моими композиторскими попытками другу нашей семьи старому композитору и педагогу Семену Викторовичу Панченко, ученику А. К. Лядова.

Панченко взялся обучать меня теоретическим премудростям и после годичных с ним занятий решил меня и еще одного своего ученика, Володю Курнакова, показать старому другу директору Ленинградской консерватории знаменитому композитору А. К. Глазунову.

Надо сказать, что вопреки советам моего учителя сочи-